

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ
ДРОНГО**

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

ДОМ
ОДИНОКИХ СЕРДЕЦ

МОСКВА

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Дом одиноких сердец / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Абдуллаев. Лучшие романы о сыщике Дронго).

ISBN 978-5-699-91141-7

Хоспис – место, где человеческие страдания достигают предельной концентрации. Здесь каждый выживает в одиночку. И умирает – тоже. Умирает обязательно, гарантированно, быстро. Поэтому убийство обреченной на скорую смерть пациентки выглядело совершенно диким, абсурдным, кощунственным поступком. Эксперт-аналитик Дронго озадачен, случившееся просто не укладывается в его голове. Он проводит тщательное расследование. И вот, кажется, он вышел на след убийцы. Мотивы преступления оказались просто шокирующими!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91141-7

© Абдуллаев Ч.А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

Как мы можем знать, что такое смерть, когда мы не знаем еще, что такое жизнь?

Конфуций

Вы будете всегда иметь такую мораль, которая соответствует вашим силам.

Фридрих Ницше

«Власта: — Зачем сразу думать о самом плохом? Ведь все мы хотим, чтобы отец жил как можно дольше. Поэтому в нашем проекте предусмотрены альтернативы. В общем и целом это просто формальности — в нашей семье всегда все так или иначе принадлежало всем, — но мы живем в такое время, когда все, что угодно, может случиться, например, вступление в силу введения исполнительного задержания личного имущества в случае подозрения в уклонении от расследования какого-нибудь подозрительного случая».

Вацлав Гавел
«Уход»

Глава 1

Он прилетел в Москву дождливым мартовским днем. В салоне бизнес-класса летели только четыре пассажира. Сказывались все еще не закончившийся кризис, слякотная погода, мартовская неопределенность первого квартала, после которого серьезные бизнесмены начинают сверять свои планы на год. Настроение у

людей тоже было хмурым. Пожилой мужчина лет шестидесяти пяти почти все время дремал, отказавшись от еды. Женщина, которой было за пятьдесят, бодрствовала, все время читала журналы и газеты на разных языках, но от еды тоже отказалась. Третьим пассажиром был мужчина с типичным азиатским лицом, очевидно японец, который, напротив, с аппетитом пообедал и почти все время работал со своим ноутбуком. Самым грустным был четвертый пассажир — сам Дронго. Эта кличка, которую он взял много лет назад, теперь стала символом его успехов и неудач. Ему было уже под пятьдесят. Его внешний облик мало соответствовал имиджу одного из самых известных экспертов в мире по проблемам преступности. Скорее он был похож на бывшего оперативного сотрудника. Высокого роста, широкоплечий, подтянутый, он сразу выделялся в любой толпе. Внимательно приглядевшийся наблюдатель мог определить его профессию только по глазам — у бывших костоломов они не бывают столь вдумчивыми и умудренными. Внимательный, почти гипнотический взгляд черных глаз Дронго иногда завораживал его собеседников настолько, что они рассказывали даже то, чего им не хотелось рассказывать ни при каких обстоятельствах.

Он летел в Москву, уже зная, что его ждут новые дела и новые расследования. В аэропорту его привычно встречал Эдгар Вейдеманис, который приехал в Шереметьево на машине с водителем. После того как Дронго получил багаж, они прошли к автомобилю и устроились в салоне.

— Тебя ищут, — сразу сообщил Вейдеманис, как только они оказались в машине. По сложившейся традиции они никогда не говорили о подобных вещах в зале прилета, где их могли услышать или прослушать. И вообще старались не разговаривать на подобные темы в людных местах. — Тебя ищут сразу два человека.

— Какая неожиданность, — вздохнул Дронго. — Кому еще я могу понадобиться в эти пасмурные мартовские дни?

— Звонил Архипов. Это известный бизнесмен, владелец крупного пакета акций. Просит о срочной встрече. Его состояние оценивают в триста миллионов долларов.

— Чего он хочет? Ты хотя бы примерно знаешь?

— Конечно, знаю. Его сын уехал с какой-то девицей на курорт и загулял там. Об этом писали все газеты. Девица вернулась, а парня посадили в тюрьму за наркотики. Нашли в его чемо-

дане при обыске. Он, конечно, сразу отказался, заявил, что это ему подбросили. Но экспертиза установила, что он уже давно сидит на этих порошках. Хорошо, что это было не в Таиланде, иначе бы его сразу приговорили к смертной казни. А там, на Карибах, ему могут дать лет десять тюрьмы. Или меньше, если отец найдет хороших адвокатов.

— Понятно. При чем тут я?

— Архипов просит о срочной встрече. Считает, что его сына подставили. В газетах пишут, что сын — наркоман уже со стажем и у него были проблемы и с российскими властями, но отец упрямо не хочет в это верить.

— Какой отец хочет верить в такое, — поморщился Дронго, — его можно понять.

— Он хочет срочно с тобой встретиться, — повторил Эдгар. — Очевидно, будет просить тебя отправиться туда и доказать, что его сын не мог хранить у себя кокаин. Дело тухлое и практически бесперспективное, но он, как отец, хватается за любую возможность. Ты меня слушаешь?

— Кто второй? — немного помолчав, спросил Дронго.

— Главный врач какой-то больницы, кажется хосписа. Он вышел на нас через твоего зна-

когого — академика Бурлакова — и тоже просит о срочной встрече. Бурлаков уверял его, что ты настоящий маг и волшебник. Такой современный Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро в одном лице. Вот он и просит о встрече. Степанцев Федор Николаевич. Кажется, он прилетел из Санкт-Петербурга.

— А ему я зачем понадобился?

— Не знаю. Но он очень просил. Звонил вчера вечером, искал тебя. Говорит, что прилетел в Москву только на два дня и очень хочет тебя увидеть.

Дронго молчал и смотрел в окно на начавший накрапывать дождь. Эдгар взглянул на своего друга. Ему не нравилось его настроение. Вейдеманис выждал целую минуту, затем наконец сказал:

— Я думаю, что врачу мы не будем говорить о твоём приезде.

— Почему? — повернулся наконец Дронго. — Ты же говоришь, что его рекомендовал сам академик Бурлаков.

— Можно найти какой-нибудь удобный повод, чтобы ему отказать. А с Архиповым тебе нужно встретиться. Такой человек...

— Очень богатый, — задумчиво произнес Дронго, снова отворачиваясь.

— Он наверняка предложит тебе отправиться на Карибы, чтобы помочь его сыну. Нужно будет объяснить Архипову, что сыну понадобятся хорошие адвокаты. Но ты можешь отправиться туда и хотя бы попытаться помочь.

Дронго снова смотрел в окно.

— Если тебе неинтересно, я не буду говорить, — заметил Вейдеманис, — но учти...

— Эдгар, — перебил его Дронго, — твой западный рационализм начинает меня серьезно тревожить. Посмотри, во что мы превращаемся. Мы ведь с тобой профессионалы и понимаем, что сын Архипова наверняка хранил этот кокаин и дело действительно безнадежное. Тем более если экспертиза установила, что он наркоман со стажем. Но его отец богатый, очень богатый человек, и мы готовы с ним встретиться, чтобы взяться за это бесперспективное дело. Зачем? Для чего? Только для того, чтобы получить деньги у несчастного отца, занятого наживой больше, чем воспитанием собственного сына? Что с нами происходит? Где остались наши принципы, Эдгар?

— В той стране, которой уже нет, — мрачно ответил Вейдеманис. — Если ты еще не забыл, в Латвии я до сих пор нежелательный гость, ведь я был офицером Комитета государственной

безопасности. Они не делают разницы между разведкой, в которой я служил, и контрразведкой, которая занималась диссидентами...

— Ими занималось Пятое управление, — добродушно поправил его Дронго.

— Им все равно. Сейчас другие времена. Кажется, ты любишь цитировать Лоуэлла, который говорил, что не меняются только «дураки и покойники». Я не хочу быть ни тем, ни другим.

— Там есть продолжение фразы: «...и немногие порядочные люди...

— ...которых с каждым днем становится все меньше и меньше», — закончил фразу Вейдеманис. — Я тебе так скажу. Ты у нас главный мозг. Мы с Кружковым только твои помощники...

— Напарники...

— Помощники, которые готовы выполнять свои поручения. Как ты решишь, так и будет. Если считаешь, что не нужно встречаться с Архиповым, значит, пошлем его к черту. Если считаешь, что лучше встретиться с этим врачом из хосписа, давай встретимся с ним. В конце концов, ты уже заработал столько денег для всех нас, что имеешь право решать, с кем тебе встречаться или не встречаться.

— Будем считать, что во мне проснулась честь профессионала, — пробормотал Дрон-

го. — Я думаю, будет правильно, если мы сообщим Архипову, что я еще не прилетел. В конце концов, он хватается за нас как за последний шанс помочь своему сыну. А пользоваться такой возможностью, чтобы получить у него деньги даже на эту поездку, мне кажется порядочным. Помнишь у Окуджавы: «Чувство собственного достоинства — удивительный элемент. Нарбатывается годами, а теряется в момент».

— Столько лет тебя знаю и каждый раз удивляюсь, — усмехнулся Вейдеманис. — Кто в наше время говорит о чести, собственном достоинстве или вообще употребляет такое слово, как «порядочность». Кому это интересно? Ты рискуешь остаться последним романтиком среди детективов. Тебя уже давно нужно сдать в музей и показывать как удивительный раритет.

— Без лести, — погрозил ему пальцем Дронго. — Еще одно слово — и я соглашусь встретиться с Архиповым. В конце концов, он тоже несчастный человек, которому нужно помочь. Но помочь ему должны не детективы и не частные эксперты, а профессиональные адвокаты. Пусть пригласит опытных юристов из США или Франции.

— Адвокат из Америки обойдется ему в не-

сколько миллионов долларов, — меланхолично заметил Вейдеманис, — твои услуги были бы дешевле.

— Пусть не экономит. Посоветуй ему сделать это немедленно. Речь идет о судьбе его сына. А мы с тобой встретимся с главным врачом этого хосписа. Ты знаешь, что такое «хоспис»?

— Примерно представляю. Когда у меня обнаружили онкологическое заболевание, я был уверен, что закончу свои дни именно в таком заведении. У моей семьи не было тогда денег даже на лечение меня от ангины. Если бы ты тогда не спас меня...

— Второе предупреждение. Ты приехал за мной в аэропорт, чтобы всю дорогу вспоминать о моем величии? Давай навсегда закроем эту тему. Ты спас себя сам. И сам сумел выжить вопреки всему, вопреки прогнозам врачей. Ну, и удачная операция, которую тебе сделали, она прежде всего сыграла свою роль. Поэтому благодари врачей, а не меня. А хоспис — действительно страшная штука, даже думать об этом учреждении страшно. Место, где доживают свои дни безнадежно больные люди. Можно придумывать массу всяких удобных выражений, но это именно такое заведение. И любой врач, который там работает, почти герой, а па-

циенты должны иметь своеобразное мужество. Ведь все мы так или иначе приговорены к смерти. Только у некоторых есть отсрочка в двадцать, тридцать, пятьдесят, даже девяносто лет. А у некоторых срок исчисляется днями или неделями. Вот и вся разница.

— Ты вернулся каким-то странным, — заметил Вейдеманис. — Что-нибудь случилось?

— Нет. Просто с годами я начинаю задумываться и о смысле нашего существования, и о бренности наших усилий. Столько лет занимаюсь поисками всякого рода мерзавцев и проходимцев и каждый раз удивляюсь, что их количество растет пропорционально росту человечества. Как будто есть некий заданный процент отрицательных персонажей, который не меняется. И не зависит ни от развития технологий, ни от расцвета науки. Как процент красивых женщин, гениев или кретинов, так и процент мерзавцев. Пропорции остаются одинаковыми. Может, в этом заложен какой-то смысл? Некая стабилизирующая цивилизацию форма отношений? Как в живой природе, где есть хищники и есть жертвы. Кажется, хищников даже иногда называют «санитарами природы» — они уничтожают слабых и больных. Может, и в нашем обществе действуют те же законы? Только

там природа сама выступает в роли регулятора, а здесь получается, что мы с тобой невольно выступаем некими «регуляторами» цивилизации?

— Тогда давай поменяем профессию и станем адвокатами, — предложил Эдгар, — и будем защищать преступников. Ты считаешь, что будет лучше, если ты перестанешь разоблачать их?

— В твоих словах чувствуется некоторое пренебрежение к адвокатам. А это ведь самая выдающаяся форма человеческих отношений, какую только выработала наша цивилизация. Возможность предоставить человеку профессиональную защиту от государства, от государственного обвинителя в судебном поединке — это безусловное достижение нашего мира. А насчет «регуляторов» я думаю, что, создав нас непохожими на других живых существ, Бог или природа разрешили нам создавать и некие правила внутри своих коллективов, которые не должны нарушаться ни при каких обстоятельствах. Когда тебе должен позвонить этот врач?

— Сегодня вечером.

— В таком случае давай с ним встретимся. Часов в восемь, если он сумеет приехать к это-